

Это не смочет ДОЖДЬ

18+

Эль Фокс

Это не смоеет дождь

<https://litres.ru/74167677>

SelfPub; 2026

Аннотация

Преподаватель литературы Эдвард Моубрей переезжает из Англии в Ванкувер, чтобы начать новую жизнь. В дождливом городе он находит только рутину, тоску и одиночество. Единственный, кто скрашивает его дни, это новый друг Бен, обаятельный уборщик с вечной вязаной шапкой и странной привычкой появляться именно тогда, когда Эдвард оказывается на грани.

Но чем ближе они становятся, тем больше Эдвард замечает странностей. Никто из коллег не видел Бена. Никто не слышал его имени. А сам Бен уклоняется от ответов на самые простые вопросы.

Кто такой Бен на самом деле? И почему он пришёл именно к Эдварду?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эль Фокс

Это не смоеет дождь

Глава 1

Ванкувер. Октябрь. Четверг. Дождь льёт уже семнадцатый день подряд.

Окна в учительской запотели так, что казалось, будто весь мир снаружи — это акварельный развод на мокрой бумаге. Эдвард Моубрей сидел за столом, который помнил ещё семидесятые, и смотрел в кружку с остывшим чаем. Чай был дешёвым, пакетированным, с привкусом картона и чужого равнодушия. Он сделал глоток и поморщился так, будто проглотил осу.

— *Ужасно,* — сказал он вслух.

Никто не ответил. В учительской никого не было. Только часы на стене тикали с таким самодовольством, что хотелось снять их и выбросить в окно. Но окно не открывалось — его заклинило лет пять назад, и ремонт всё обещали, но так и не сделали. Как и многое другое в колледже Лэнгли.

Тед потёр переносицу. Под пальцами — сухая, шелушащаяся кожа. Он не спал уже вторую ночь. Или третью. Он сбился со счёта где-то между бутылкой виски во вторник и бессмысленной лекцией о метафорах у Диккенса в среду.

Сейчас был четверг. Он был в этом уверен, потому что по четвергам у него была самая ненавистная группа — вечерняя, для взрослых, которые решили получить диплом "уже после тридцати" и считали себя умнее преподавателя.

Он полез во внутренний карман пиджака, нащупал там помятую пачку сигарет, вспомнил, что в Канаде курить в зданиях нельзя, и с ненавистью убрал обратно.

Вместо этого он достал телефон. Экран вспыхнул — уведомление от приложения «Погода»: *«Сегодня: дождь. Максимум +8. Ощущается как +3. Будьте осторожны на дорогах»*.

— *Спасибо, что предупредили,* — пробормотал Тед. — *Я бы сам не догадался, судя по тому, что весь город уже месяц стоит в луже.*

Он хотел было нажать «закрыть», но его палец замер. В углу экрана фотография. Маленькая, почти незаметная, но от неё защипало в груди.

Кот.

Рыжий, пушистый, с наглыми зелёными глазами. Чосер лежал на диване, задрав лапы к потолку, и выглядел так, будто всё это — дождь, Канада, колледж, Тед — было для него лишь одним большим развлечением.

Тед улыбнулся. Криво, но улыбнулся.

— *Ты там держишься? Я скоро приду. Я, приду, только допыю эту бурду и приду. И принесу тебе тунца. Не тот дешёвый, а тот, который ты любишь, из банки с жёлтой*

этикеткой.

Он засунул телефон обратно в карман и повернулся к окну. За стеклом — серый, промозглый Ванкувер. Автобусы. Люди под зонтами, которые всё равно промокали насквозь. Парочка студенток с огромными стаканами кофе в руках — они что-то смешно обсуждали, одна запрокинула голову и расхохоталась.

Тед скривился.

— *Вот чему можно смеяться в такую погоду?* — спросил он у комнаты. — *Только идиоты могут радоваться, что у них промокли носки.*

Но комната снова промолчала. Только часы тикали.

Он посмотрел на расписание — следующая пара через двадцать минут. Можно было выйти покурить под козырёк, промочить ноги и вернуться. Или можно было посидеть здесь, в тишине, и попытаться не думать о том, что сегодня ему снилось.

А снилось ему вчера **лицо**. Смуглое, молодое, с испуганными глазами. Парень в дешёвой куртке сидел напротив и молчал, а Тед говорил, говорил, говорил — и чувствовал, как его собственный голос режет тому парню кожу.

Тед помотал головой, прогоняя видение.

— *Хватит,* — сказал он жёстко. — *Тебя там не было. Ты ничего не сделал. Это была комиссия. Ты просто выполнял свою работу.*

Он почти поверил себе. Почти.

Дверь в учительскую распахнулась, и в неё вкатилась тележка с ведром и шваброй. Следом за ней — крупная коренастая фигура в яркой вязаной шапке с помпоном.

— Эдвард! Дружище! Я думал, ты уже ушёл!

Тед замер.

Перед ним стоял мужик лет пятидесяти в синей форменной куртке с логотипом колледжа. На груди — бейджик: «Бенуа Леблан, отдел эксплуатации». Усы как у моржа, дурацкая улыбка, в руках — термос и пакет с выпечкой.

— Я Бен, ты не забыл? Мы на прошлой неделе познакомились в коридоре. Я мыл пол, а ты выбежал из кабинета и чуть не навернулся на мокрой плитке. Я тогда сказал: «Осторожно, скользко!» А ты ничего не ответил. Просто ушёл. Я подумал: «Вот странный парень. Надо будет зайти познакомиться».

— Я помню, — выдавил Тед. — У тебя была швабра. Ты чуть не залил мне ботинки.

— Бинго! — Бен радостно кивнул, и шапка съехала у него набок. — Я тебя и искал. Решил, что нам надо подружиться. У меня сегодня выходной, но я вспомнил, что у тебя лекция, и заехал. Держи, это тебе.

Он сунул пакет Теду прямо в руки. Пахло ванилью и чем-то сладким.

— Что это? — спросил Тед, глядя на пакет так, будто внутри могла быть бомба.

— Кексы. Моя мама пекла такие. Ну, не прям моя мама,

я в булочной купил, но они почти такие же. Ты же совсем не ешь. Я в прошлый раз смотрел на тебя в столовой — ты просто помешал ложечкой чай и ушёл. Даже не откусил ничего.

Бен засмеялся. Громко. Так, что на стенах задрезбжали таблички с расписанием.

Тед посмотрел на кексы. Потом на Бена. Потом снова на кексы.

— *Почему ты это делаешь?*— спросил он тихо. — *Мы не знакомы. Я даже имени твоего не помнил до сегодняшнего утра. Ты просто уборщик. Я — преподаватель. Между нами нет ничего общего.*

Бен обиженно нахмурился, но в глазах плясали смешинки.

— *Просто уборщик? Эдвард, я тут работаю пятнадцать лет. Я знаю каждый уголок. Каждую трещину в полу. Каждый сломанный стул, который я чинил по три раза. Я мог бы рассказать тебе такие истории про этот колледж... Но ты пока не готов. Ты ещё грустный. Ты сначала съешь кекс, станешь сладким — вот тогда я расскажу.*

Тед не знал, что делать. С одной стороны — хотелось провалиться сквозь пол. С другой — странное, давно забытое чувство шевельнулось внутри. Что-то тёплое и неуместное. Кто-то не хотел от него ничего, кроме как просто поговорить. Это было так подозрительно, что хотелось проверить, не обманывает ли Бен. Но Бен смотрел на него с такой от-

крытой дурацкой добротой, что проверять расхотелось.

— *Ладно,* — сказал Тед, пряча глаза. — *Один кекс. Я возьму один кекс. И ты уйдёшь, потому что у меня через двадцать минут лекция.*

— *Договорились!* — Бен хлопнул его по плечу так, что Тед чуть не споткнулся. — *А завтра я приду ещё. С кофе. Ты ведь пьёшь кофе? Нет, не пьёшь, я знаю, что ты пьёшь чай. Я принесу нормальный чай, не эту бурду из автомата, а настоящий, с бергамотом. У меня есть знакомый, который торгует чаем на Грэнвилл-Айленд. Дорогой, но хороший. Ты оценишь.*

Он развернулся, схватил свою тележку и, насвистывая что-то невероятно глупое (кажется, это был мотив из рекламы страховой компании, чёрт бы его побрал), вывалился обратно в коридор.

Дверь закрылась за ним. В учительской снова стало тихо. Только часы тикали — и в этом тиканье теперь слышалась насмешка.

Тед остался стоять с кексом в руке.

Он посмотрел на него. Потом на часы. Потом снова на кекс.

— *Ты, Эдвард Моубрей, только что согласился встретиться с этим человеком завтра,* — сказал он себе. — *Ты, блин, полный кретин.*

Он убрал кекс во внутренний карман пиджака (рядышком с сигаретами), повернулся к окну, увидел, что дождь усилил-

ся, и, вздохнув, прошептал:

— *Чосер, только ты у меня нормальный. Только ты. Если бы все люди были котами, мир был бы лучше. Даже если бы они сбрасывали кружки со стола.*

Он взял свой потрёпанный портфель, проверил, есть ли внутри конспект (конспекта не было, но он всё равно сделал вид, что проверил), и вышел в коридор.

По пути к аудитории он достал телефон и написал себе в заметках:

«Завтра: купить Чосеру тунец. Жёлтая этикетка. И, кажется, — не убить этого идиота Бена. Возможно, просто не дать ему приблизиться».

Тед убрал телефон и вошёл в аудиторию. Там его ждали двадцать взрослых студентов, которые смотрели на него с лёгким любопытством и полным отсутствием страха.

— *Добрый вечер, — сказал Тед, вешая пиджак на спинку стула. — Сегодня мы поговорим о трагедии как литературном приёме. О том, почему страдания персонажей делают историю лучше... и почему в реальной жизни страдания не делают лучше никого.*

Он на секунду замялся. Потому что понял, что говорит о себе.

— *Откройте страницу сорок три, — закончил он резко.*

Он сел за кафедру, открыл книгу и постарался не думать о лице, которое видел во сне. И о кексе, который грел ему бок. И о человеке в вязаной шапке, который, чёрт возьми,

собирался прийти завтра снова.

Чосер, подумал Тед. Хотя бы Чосер меня не трогает.

Но где-то в глубине души он знал, что Чосер — единственное, что держит его на плаву. И если кот исчезнет, он исчезнет вслед за ним

Глава 2

Ванкувер. Пятница. 18:47.

Когда Тед вышел из колледжа, дождь наконец-то кончился.

Это было так неожиданно, что он на секунду остановился на крыльце и поднял голову к небу. Серые тучи всё ещё висели низко, но между ними пробивался тонкий, болезненный свет — предвестник заката. Воздух пах мокрым асфальтом, прелыми листьями и свободой.

— *Ничего себе,* — сказал Тед вслух. — *Мир не умер. Просто притворялся.*

Он достал сигареты, закурил, не обращая внимания на табличку «NO SMOKING» в двух метрах. Ему было плевать. Ему всегда было плевать на правила, которые казались ему тупыми. В этом он был последователен.

Он прошёл полквартала, сворачивая к своей улице. Район Маунт-Плезант вечером выглядел почти уютно, если закрыть глаза на облупившиеся фасады и вечные лужи. У китайской закусочной на углу уже зажгли неоновую вывеску, от которой пахло жареным маслом и соевым соусом.

Тед остановился, посмотрел на вывеску, вспомнил, что дома в холодильнике: только яйца, просроченный йогурт и полбутылки виски, и решил, что сегодня он заслужил что-то горячее. Он зашёл внутрь, взял коробку с жареным рисом и

креветками, бросил продавцу-китайке хмурое "спасибо" и вышел обратно.

Через пять минут он уже стоял у двери своей квартиры на первом этаже. Квартира №4. На почтовом ящике до сих пор висела фамилия «Моубрей-Ли» — он так и не снял табличку, хотя жена ушла три года назад.

— *Нужно будет снять,* — сказал он себе. — *Завтра. Или в понедельник. Или никогда.*

Он вставил ключ в замок, повернул. Дверь открылась с противным скрипом — петли требовали смазки уже года два. Тед шагнул внутрь и сразу же услышал:

Мяу.

Не просто мяу, а требование. Ультиматум. Судья выносит приговор.

Чосер сидел в прихожей, как статуя, и смотрел на Теда с выражением, которое читалось однозначно: *«Ты опоздал на два часа. Где мой тунец? Ты вообще думаешь о моих потребностях?»*

— *Здравствуй, мой маленький тиран,* — сказал Тед, ставя коробку с едой на тумбочку и наклоняясь, чтобы почесать кота за ухом. — *Я знаю, я ужасный человек. Я заставляю тебя ждать. Но у меня были важные дела. Я делал вид, что преподаю, и пытался не убить одного идиота в вязаной шапке.*

Чосер прищурился, давая понять, что его это не колыхнет, и потёрся головой о ладонь Теда. Тед почувствовал, как в

груди разливается тепло. Дурацкое, нелепое, но тепло.

— *Ладно-ладно. Сейчас я тебя накормлю. Только разденусь.*

Он скинул мокрые ботинки, повесил пиджак на спинку стула, прошлёпал в кухню. Квартира была небольшой — две комнаты, кухня, совмещённый санузел. Когда-то она казалась им с женой уютным гнёздышком. Теперь она казалась просто местом, где он спит, пьёт и иногда ест.

На кухонном столе стояла пустая бутылка из-под виски. Он убрал её в мусорное ведро, налил Чосеру в миску тунца (филе, кусочками, в собственном соку — никакой экономии, только лучшее для его высочества), а себе разогрел жареный рис прямо в коробке. Ел он из неё же, стоя у окна.

За окном было темно. Горели фонари, отражаясь в лужах.

— *Чосер, — сказал Тед, жуя. — Мне сегодня кое-кто сказал, что я выгляжу грустным. Ты как думаешь? Я выгляжу грустным?*

Кот поднял голову, облизнулся и снова уткнулся в миску.

— *Я так и думал. Ты не умеешь говорить. Ты просто ешь и делаешь вид, что тебе всё равно. Ты — идеальный партнёр.*

Тед усмехнулся, выбросил пустую коробку и пошёл в гостиную. Там было темно — он не включал свет, потому что любил полумрак. Где-то в углу стоял старый диван с протёртой обивкой, на нём валялись книги, журналы, зарядки от телефонов. Напротив — стеллаж, забитый книгами впере-

мешку с пылью.

Тед упал на диван, вытянул ноги и уставился в потолок. В голове крутились обрывки мыслей.

Завтра Бен придёт с чаем. Надо будет не открыть дверь. Или открыть и сказать, что я занят. Или написать ему, что я уехал. Или просто исчезнуть.

Но он знал, что ничего этого не сделает. Потому что Бен был единственным человеком за последние годы, который подошёл к нему **просто так**. Без просьб, без требований, без скрытых мотивов. Это было так подозрительно, что Тед хотел проверить, не обманывает ли Бен. И, чёрт бы его побрал, он хотел снова увидеть эту дурацкую шапку.

— *Ты сходишь с ума,* — сказал он себе. — *Это начинается. Всё правильно. Рано или поздно это должно было случиться.*

Он закрыл глаза.

Ему приснился тот же сон.

Он сидит в маленькой комнате без окон. Перед ним — стол, на столе — стопка бумаг. Напротив — мальчик. Смуглый, худой, в дешёвой куртке, которая слишком велика ему на два размера. Глаза у мальчика большие, тёмные, испуганные.

— *Мистер Моубрей,* — говорит мальчик. *Голос его дрожит. — Я знаю, что я плохо говорю по-английски. Но я старался. Я учил. Я прочитал всё, что вы задали. Два раза. Пожалуйста...*

Тед смотрит на него холодно. В груди — тяжёлая, свинцовая тяжесть. Он знает, что сейчас скажет. Он уже говорил это тысячу раз — во сне, в мыслях, в пьяном бреду.

— Ты прочитал, — говорит Тед. Его собственный голос кажется ему чужим, железным, лишённым интонаций. — Ты прочитал, но не понял. Разница, Раджив, между прочтением и пониманием — как между небом и землёй. Ты не готов. Ты никогда не будешь готов. Иди.

Мальчик открывает рот, чтобы что-то сказать, но не говорит. Просто опускает голову. Встаёт. Выходит.

Тед смотрит ему в спину и чувствует, как внутри него что-то обрывается. Словно нитка, которая держала его на плаву, лопается — и он падает в чёрную, бездонную пустоту.

— Проснись!

Тед дёрнулся, открыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Во рту — привкус виски и собственного страха.

Он не понял, что разбудило его. Никакого звука. Просто толчок — внутренний, панический. Он лежал на диване, укрытый старым пледом, и смотрел в тёмный потолок.

Часы показывали 2:34 ночи.

— О Боже, — прошептал он, садясь. — Опять.

На полу, у его ног, сидел Чосер. Кот смотрел на него своими зелёными глазами. Тихо. Пристально. Так, что мурашки побежали по спине.

— Ты чего? — спросил Тед. — Ты разбудил меня?

Чосер не ответил. Просто продолжал смотреть. Его хвост медленно стучал по полу — раз, два, три. Как маятник.

— *Иди спать,* — сказал Тед, поглаживая кота по голове.
— *Иди. Всё нормально. Это просто сон.*

Он встал, прошёл в ванную, плеснул в лицо холодной водой. Посмотрел в зеркало. На него смотрел мужчина с глубокими морщинами, с сединой в тёмных волосах, с глазами, в которых давно погас свет.

— *Ты убил его,* — прошептал Тед своему отражению.
— *Ты убил его, когда провалил. Если бы ты его пропустил, он бы учился. Он бы жил. А ты что сделал? Ты завидовал мальчишке, у которого была надежда.*

Отражение молчало. Как всегда.

Тед вернулся в гостиную, налил себе виски (полстакана, без льда, тёплого), сел на диван и выпил. В голове немного прояснилось. То есть наоборот — затуманилось, но так было легче.

Он посмотрел на комод. Верхний ящик. Там лежал конверт.

Он не открывал его уже больше года. С того дня, как положил туда. И знал, что не должен открывать сейчас. Но мысли во сне были такими живыми, такими реальными...

— *Не надо,* — сказал он себе. — *Просто выпей и ложись спать. Ты уже всё знаешь.*

Он выпил ещё. И ещё.

К чёрту.

Тед встал, подошёл к комоду и рывком открыл верхний ящик. Там лежали старые счета, квитанции, флаеры, фотографии (он перевернул их лицом вниз — там была она, его бывшая жена, и он не мог смотреть на её улыбку) и **конверт**. Синий. Простой. Без адреса.

Он взял его. Руки дрожали.

— *Раджив, — прошептал он. — Мне жаль. Мне так жаль.*

Он открыл конверт и достал газетную вырезку. "The Vancouver Sun". Дата — ноябрь прошлого года. Он читал её уже сто раз, но читал снова.

«Молодой рабочий погиб на строительной площадке в пригороде Суррея»

Чёрно-белая фотография. Парень. Те же глаза, что во сне. Раджив Сингх. 22 года.

Тед прочитал всё. От первого слова до последнего.

«Строительные леса обрушились около 14:30. Причины устанавливаются. Раджив Сингх, 22 года, иммигрант из Пенджаба, работал на объекте менее трёх месяцев. Его коллеги описывают его как «тихого, старательного парня, который всегда улыбался». У него остались мать, отец и младшая сестра в Индии».

Тед сжал вырезку в кулаке. Так сильно, что бумага смялась, порвалась по краю.

— *Это моя вина, — сказал он. Не коту, не стенам, не себе. Просто сказал в пустоту. — Я знаю, что это моя ви-*

на. Если бы я его пропустил тогда — он бы не пошёл на эту стройку. Он бы сидел в аудитории. Он бы ненавидел меня за занудство, но был бы жив.

Чосер подошёл к нему. Кот ткнулся носом в его лодыжку и громко, требовательно мявкнул.

Тед опустил глаза. Посмотрел на кота. Улыбнулся — бледно, болезненно.

— Ты тоже меня осуждаешь? Ну, правильно. Ты — единственный честный судья на этой планете.

Он опустился на колени, погладил Чосера по рыжей голове. Кот закрыл глаза и заурчал. Громко, утробно, как маленький трактор.

— Ты даже не представляешь, Чосер, — сказал Тед, вжимаясь лицом в тёплую шерсть. — Иногда мне кажется, что я выдумал всё это. Что никакого Раджива не было. Что я просто хочу, чтобы у меня была причина ненавидеть себя. Понимаешь? Если я могу себя ненавидеть, значит, я существую. А если я не могу — значит, я никто.

Кот молчал. Он просто урчал. И в этом урчании, в этом тихом, ровном звуке было больше понимания, чем во всех разговорах с людьми за последние годы.

Тед поднялся, аккуратно расправил вырезку, положил её обратно в конверт и закрыл ящик.

— Завтра, — сказал он коту, — я встану и пойду на работу. Я не буду пить утром. Я скажу этому идиоту Бену, чтобы он отстал от меня. Я буду хорошим учителем. Я

выживу. А вечером я приду домой и снова напьюсь, и буду ненавидеть себя.

Чосер посмотрел на него с высоты своего кошачьего величия.

— Что? — спросил Тед. — Что ты хочешь сказать?

Кот медленно, с достоинством, развернулся и пошёл на кухню. К своей миске. Даже не оглянувшись.

Тед остался один в полутьме гостиной.

Он снова посмотрел на комод. На закрытый ящик.

— Ты живой, Раджив, — прошептал он. — Ты живой, пока я мучаюсь. А если я перестану мучиться — ты умрёшь по-настоящему.

Он выключил свет, лёг на диван, укрылся пледом и закрыл глаза. Через минуту Чосер вернулся, запрыгнул ему на грудь, покрутился и устроился калачиком.

Тед п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.